

Дважды Герой Советского Союза Иван Семенович Полбин – теоретик и практик великой Науки побеждать. Его боевая биография началась на Халкин-Голе, где летчик приобрел опыт и воинское мастерство, получил первую боевую награду – орден Ленина. Во время Великой Отечественной войны легендарный полк скоростных бомбардировщиков под командованием Полбина был грозой вражеских танковых колонн. Из практики рождалась теория: основы пикирующего удара, опыт подготовки снайперских экипажей и подразделений, опыт применения “вертушки”. Герал-майор Полбин погиб в день своего рождения, совершая 157-й боевой вылет. Фамилия летчика стала символом воли, храбрости и мастерства. Оренбургское высшее военно-авиационное училище носит его имя. В селе Полбино установлен бюст Героя. В Ульяновске его именем названа улица. О его военных подвигах написаны сотни статей. А вот о детстве Вани Полбина знают немногие.

ПОЛБИН

НАЧАЛО

11 февраля 1905 года появился на свет Иван Семенович Полбин. Его родина – с. Ртищево-Каменка (ныне Полбино) Симбирской губернии. Родился будущий герой в неволе. За выступление в сельской сходке его беременная мать была заключена в Симбирскую тюрьму, где и родила сына. Три недели спустя она с ребенком на руках вернулась в родное село. Семья Полбиных жила в крайней нужде. Отец был прикован к постели, и уже в 1912 году мать с четырьмя детьми осталась одна. Ивану – семь лет, остальным и того меньше. Как старший, он взял часть обязанностей по содержанию семьи на себя, прислуживал у богатого мужика по уходу за скотом. В девять лет пошел учиться в сельскую школу и, хотя было трудно, но подрабатывать не бросал. Шел 1918 год, в селе царили разруха и голод, не хватало рук (многие не вернулись с империалистической войны), лошадей, инвентаря. О продолжении учебы нельзя и помышлять. Семья – в страшной нужде, и Иван, будучи от природы физически крепким, решил идти на заработки, как говорили тогда, “в отход – на сторону”. В начале 1919 он поступает черноработчим на железнодорожный

разъезд. Но понимание всей ответственности перед семьей заставляет его вернуться через год домой. Он отдавал все силы, обрабатывая три десятины недельной земли парового и ярового клина. Чтобы как-то выбиться из нескончаемой нужды, Иван стремился получить профессию. В то время в соседнем селе Скугаревка было открыто профессионально-техническое строительное училище, куда он и поступил учиться на столяра. Но царившие там беспорядки и бесправие среди учащихся не способствовали хорошему обучению, и Иван вскоре покинул училище.

Лето 1922 было урожайным. Крестьяне Среднего Поволжья, в том числе и семья Полбиных, воспряли духом, а у Ивана появилась надежда на продолжение учебы. Как раз в это время по всей округе и даже далеко за ее пределами разнеслась слава о Карлинской школе второй ступени. В ней давалось прекрасное по тому времени образование с педагогическим уклоном, что придавало большую ценность, ибо учитель на селе считался одним из авторитетнейших людей. Желających поступить в Карлинскую школу было очень много, потому отбор шел строгий. Иван во что бы то ни стало решил туда поступить. Заведующий посмотрел его заявление и приложенные к нему документы об успеваемости, прочитал вслух “год рождения 1905” и сказал:

- Ого, да тебе многонько... А семья-то большая?

- Мать, сестра, два брата.

- Что же тебе в Скугаревке не понравилось?

- Порядка нет. А так никогда ничему не научишься.

- Может быть, тебе и здесь не понравится?

- Должно понравиться. Наши каменские у вас учатся, – спокойно, выдерживая строгий взгляд заведующего, ответил Полбин. Затем немного подумал и твердо сказал: “А не понравится – уйду”. Стоял он прямо, свободно. На нем была полотняная толстовка, хлопчатобумажные брюки и выданные виды ботинки. Чувствовалось, что этот семнадцатилетний крепкий подросток с серыми пронизательными глазами, с русыми откинутыми волосами, многое уже видел, пережил и привык самостоятельно принимать решения.

- Что ж, Ваня, в школу мы тебя примем и в общежитие зачислим.

Иван был счастлив. Он оглядел школьный двор, представляющий зеленую лужайку, стиснутую со всех сторон хозяйственными постройками. Где-то слышался веселый, задиристый смех, все вдруг стало родным, и сам Иван почувствовал себя здесь своим. Прошелся по классам, побывал в общежитии, на кухне – везде царил порядок. Выходя из школы, увидел двух молодых учителей. Один из них – высокий, худой, в очках, со стриженной головой, спросил:

- Не ты Полбин?

- Я.

- Сейчас твое заявление читали. Понравилось. Смело и откровенно пишешь. Только зачем росчерки выделываешь? Своему сельскому писарю подражаешь?

Полбин мотнул головой. Учитель добавил: “Писаря на это ловкачи, а ты так не строчи. Это они раньше большим чиновникам

подражали”.

Учителями этими были Селиванов К.Л. и Егоров С.Ф.

Так начался новый период в жизни Ивана Полбина.

Нелегко было совмещать учебу и работу по дому, но великое желание учиться помогало преодолевать трудности. Иван не раз весело говорил: “Видишь, мама, можно, оказывается, и учиться, и крестьянствовать. “А отдыхать?” – спрашивала мать, радуясь тому, как в ловких руках сына спорилась любая работа.

За короткое время Иван стал авторитетным лицом в школе. Он во всем любил и соблюдал порядок и точность. Учился хорошо. В первые годы учебы больше всех предметов любил математику, затем предпочтение отдавал общественным наукам. При всем этом он не был чистоплюем, многие вспоминают, что Ивана отличало умение слушать людей. Полбин не боялся говорить правду не только товарищам, но и учителям. Говорил всегда немногословно, сказанное подтверждал фактами, примерами. Когда в марте 1925 года особенно остро встал вопрос о взаимоотношениях учителя Селиванова с учениками, было проведено собрание, председателем которого на котором доверили Полбину. После этого между учениками и учителями установились доверительно-демократические отношения.

Жили дружно: вели общее хозяйство, проводили культурно-массовые мероприятия как в школе, так и на селе (чтение лекций, докладов, художественной самодеятельности, организации ликбе-

за). А главное, ни в учебных занятиях, ни в общественной работе он не обходил того, что было потруднее. При этом любимыми словами его были: “Покумекаем, повозимся”. После экскурсии на Анненковскую сельскохозяйственную опытную станцию Иван написал в отчете: “... Получается, как раньше: наука сама по себе, а жизнь сама по себе. Тогда зачем же революцию проводили? Вывод один. Станция должна со своей наукой плодородия пойти, можно сказать, сорваться в мужичью жизнь, а не сидеть и не ждать. Мы тоже должны помочь ей...”. Вот такой взрослый взгляд ученика на науку...

Конечно же, Полбин не был лишен желания подурить, пошалить. Вот один из примеров. На площадке перед школой – карусель. Нет-нет да окажется здесь кто-то из сельской молодежи или учеников во время подготовки уроков. И в стенной газете “Наш голос” появляется карикатура и подпись: “Полбин гипнотизер. Вчера проходили у карусели удачные опыты. Берет своими руками за шею, зажимает сонные артерии, и человек падает без памяти. Тов. Полбин! Может быть, и на тот свет отправишь? Дядя Коля”. И то правда! Иван физически здоров, сила богатырская.

Военным делом Иван Полбин начал интересоваться в школе. В 1923 году он возглавил часть особого назначения (“ЧОН”). Каждый комсомолец обязан был пройти военную подготовку, а остальные учащиеся – в порядке добровольности. Достали учебную винтовку, противогаз, сделали макет

винтовки из доски. Занимались строевой подготовкой, маршировали по селу и пели: “Смело, товарищи, в ногу...”. Пели громко, с подъемом, так, что вся молодежь сбегалась на песню, присоединялась маршировать и петь. Вскоре эти песни можно было слышать во всех концах Карлинского.

В период Великой Отечественной войны, уже генерал, Иван Семенович прислал письмо заведующему учебной частью школы Селиванову К.А., где говорилось: “Вся моя школьная пятилетняя жизнь среди сверстников-учеников и Вашего преподавательского состава - в моей памяти, и я всегда вспоминаю ее с чувством благодарности. Приобретая общие знания, развивая свой кругозор, каждый из нас формировался в своем мировоззрении, готовился к самостоятельной жизни. Этот период дорог мне. Ведь я совершенно не имел никакой тогда ни материальной и другой опоры. Карлинская школа, труды преподавательского состава ее, поставили меня на ноги, укрепили в жизни”.

Пикирующий бомбардировщик “ПЕ-2”, на котором летал И. С. Полбин

*Материал подготовлен по очеркам карлинского краеведа Кон-
стантина Алексеевича Кузьмина*